

А.А.Свечин

Клаузевиц

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
С24

С24 **Свечин А.А.**
Клаузевиц / А.А.Свечин – М.: Книга по Требованию, 2015. – 302 с.

ISBN 978-5-458-49267-6

Клаузевиц принадлежит к числу замечательных людей эпохи поднимающегося буржуазного строя, эпохи национально-освободительных войн. Клаузевиц не только указал на истинную связь войны с политикой, но и разработал теорию ведения войны, основанную на изучении «внутренней связи явлений войны». В этой теории он сопоставлял размеры политической цели, размеры напряжения, необходимого для достижения конечной военной цели, влияние политической цели на конечную военную цель. Военно-исторические труды Клаузевица представляют большую научную ценность. А его основной труд «О войне» является высшим достижением буржуазной военной мысли в области стратегии

ISBN 978-5-458-49267-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Он глубоко схватывал сущность войны, когда доказывал, что «всякая эпоха имела собственные войны, свои собственные ограничивающие условия и свои предрассудки» (стр. 546) *. Это положение тесно связано с изречением «война есть продолжение политики иными средствами» и вместе с последним требует изучения характера каждой данной эпохи, характера политики каждого данного государства и класса и характера войны, которую они ведут.

Клаузевиц учил, что «иным средством» политики является вооруженное насилие, что «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника исполнить нашу волю» (стр. 13). «Чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его» (стр. 16).

Можно было бы привести немало изречений Клаузевица, подобных вышеуказанным, чтобы еще лучше показать, что под войной Клаузевиц понимал решительное применение насилия с целью сокрушения вооруженных сил противника.

* «О войне», русский перевод, изд. 1935 г.

Определение войны, как акта насилия, стремящегося к сокрушению врага, конечно, используется буржуазией для обоснования реакционного насилия, которое она совершает в своих интересах. В трудах по стратегии буржуазных военных писателей это определение является одной из предпосылок исследования. В своей книге «Ведение войны и политика», изданной в 1922 году, Людендорф, «мастер» по применению насилия в интересах германского империализма, целые страницы сумел заполнить цитатами из Клаузевица, оправдывая действия германской военной партии, одним из руководителей которой он являлся; и надо отдать ему справедливость: он развернул в этом труде довольно полно программу завоеваний германского империализма, помогая вдумчивому читателю уяснить связь между политикой и войной на примере германского империализма.

В наше время имя Клаузевица используется часто в качестве знамени германским фашизмом. Нет таких красноречивых тезисов и изречений Клаузевица, которых не употреблял бы поджигатель войны — германский фашизм — в своей пропаганде войны.

Но сам Клаузевиц приходит нам на помощь, чтобы разоблачить политиков и стратегов фашизма. Он наминает нам о необходимости изучать эпоху и политику, продолжением которой является война.

А политике фашизма, этого «наиболее модного товара» среди воинствующих буржуазных полити-

ков» (С т а л и н), это — грабительская, захватническая политика, выросшая из общего кризиса капитализма, из его загнивания, это — насилие над рабочим классом внутри своей страны, а по отношению к окружающему миру — это политика подготовки новой захватнической и грабительской войны.

Ленинизм критически использовал наследие буржуазной военной науки, достигшей в лице Клаузевица, широко и глубоко охватывающего войну как социальное явление, высшей точки своего развития.

Используя все ценное, что содержит учение Клаузевица о связи между политикой и войной и «внутренней связи явлений войны», мы не должны однако забывать, что его политическое мировоззрение было ограничено представлениями об идеальном буржуазном обществе, в котором «политика объединяет и согласовывает все интересы, как вопросы внутреннего управления, так и вопросы гуманности и всего остального, что может быть выдвинуто философией, ибо сама по себе политика — ничто и только представитель всех этих интересов перед другими государствами» (стр. 562).

Понимание существа классового общества было недоступно Клаузевицу. В своем беглом взгляде на историю он различал государственные формы, но не социально-классовую структуру общества. «Полудикие татары, республики древнего мира, феодалы и торговые города средних веков, короли XVIII века,

наконец государи и народы XIX века — все вели войну по-своему, каждый иным способом, иными средствами и для иных целей» (стр. 537). В буржуазном обществе, выросшем в эпоху французской революции, он видел народ без классов, на помощь которого опиралось государство. По поводу его мысли: «со времен Бонапарта война сперва на одной, затем на другой стороне снова стала делом всего народа», Ленин написал: «важно (и одна неточность: буржуазии и может быть всей)».

Клаузевиц не видел в истории за понятиями «государства» и «народа» ни борьбы между феодалами и буржуазией, ни борьбы между буржуазией и пролетариатом. Он не понимал, что «государство было официальным представителем всего общества, формой его сплочения в сознательное целое, но оно играло такую роль лишь постольку, поскольку было государством всего того класса, который сам в данное время представлял собой все общество: в древние времена — государством граждан-рабовладельцев, в средние века — государством феодалов, в наше время — государством буржуазии» (Энгельс, «Анти-дюринг»).

Когда Клаузевиц заявлял «политика — это разум» (стр. 562), он как бы высказывал взгляды философов XVIII века, для которых разум стал единственной меркой всего существующего, которые зывали к разуму, как к единственному судье над всем суще-

ствующим, которые проповедывали наступление царства разума. Но это царство разума было не чем иным, как «идеализированным царством буржуазии» (Энгельс, «Антидюринг»).

Кроме этой общей буржуазной ограниченности, мировоззрение Клаузевица было ограничено еще специфическими условиями развития современной ему Германии, разделенной на множество всякого рода мелких государств средневекового типа, с дряблой буржуазией, неспособной к решительной борьбе против остатков феодализма.

«Французская революция, точно громовая стрела, ударила в этот хаос, называемый Германией», писал Энгельс в 1845 году. «Она оказала огромное влияние. Народ, слишком мало осведомленный, слишком привыкший подчиняться тиранам, был неподвижен. Но все средние классы и лучшая часть дворянства с радостным ликованием относились к Национальному собранию и к французскому народу. Все немецкие поэты воспевали славу французского народа. Но это был чисто-немецкий энтузиазм, он имел только метафизический характер, он относился только к теории французских революционеров... Добродушные немцы никогда не имели в виду таких действий, практические последствия которых сильно отличались от тех выводов, которые могли давать благожелательные теоретики... Итак вся масса тех людей, которые вначале были восторженными друзьями революции, стали

теперь самыми ожесточенными противниками ее и, получая известия из Парижа в самом извращенном виде из рептильной немецкой прессы, предпочитали свою старую священную римскую навозную кучу грозной активности народа, который сбросил цепи рабства и бросил в лицо вызов всем деспотам, аристократам и попам».

Такова была Германия в дни юности Клаузевица, когда он сам участвовал в контрреволюционной войне Пруссии против французской революции.

Позже, по словам Энгельса, французская революционная армия вошла в самое сердце Германии, сделала Рейн границей Франции и везде проповедывала свободу и равенство; «французские революционные войска залпами прогоняли дворян, епископов и мелких князей».

Энгельс страстно ненавидел реакционную Пруссию и, подобно многим представителям революционно-демократической западной Германии сороковых годов, подчеркивал историческую роль Наполеона в Германии.

О Наполеоне молодой Энгельс писал, что «он был в Германии представителем революции, пропагандистом ее принципов, разрушителем старого феодального общества».

«Славную освободительную войну» 1813—1814 и 1815 годов против Наполеона он считал «проявлением безумия, за которое еще много лет будет крас-

неть всякий человек и благоразумный немец» *.Фридриха-Вильгельма III он называл одним из «величайших олухов, который когда-либо служил украшением престола». Этот король знал два чувства: страх и капральскую заносчивость. Благодаря страху перед Наполеоном он разрешил управлять вместо себя партии половинчатых реформаторов — Гарденбергу, Штейну, Шену, Шарнгорсту и т. п., которые ввели более либеральную организацию муниципалитетов, провели уничтожение крепостного состояния, «обращение феодальных повинностей в ренту или в выкуп в течение 25 лет, а помимо этого создали военную организацию, которая дала народу мощь, — мощь, которая когда-нибудь будет использована в борьбе с правительством». Пророческие слова Энгельса уже раз в истории Германии нашли подтверждение, а именно в 1918 году, когда германский пролетариат, в союзе с восставшей частью армии, впервые сделал попытку захватить власть в свои руки.

Они сохранили свое значение в наше время, когда германский фашизм, разжигая новую мировую войну, создает еще раз массовую армию.

Возвращаясь к Клаузевицу, надо сказать, что он вовсе не принадлежал к числу самых радикальных элементов буржуазии.

После 1815 года Клаузевиц признал новые общест-

* Маркс и Энгельс. Сочинения, т. V, Москва, 1929 г.

венные отношения французской революции, но никогда не был склонен переносить их в свою родную Пруссию. Дальше либеральных реформ Клаузевиц не шел, в годы реакции и в 1830 году он скатился на явно реакционные позиции противника революционных сдвигов в Европе. Его готовность вести войну против революционных Франции, Бельгии и Польши, это не проявление прусского патриотизма, а выражение того поворота к реакции, который охватил и других выдающихся его современников, в том числе и Гегеля.

Военно-исторические труды Клаузевица представляют большую научную ценность, а его основной труд «О войне» является высшим достижением буржуазной военной мысли в области стратегии.

Размышления и рассуждения Клаузевица, выраженные в его изречениях, богаты оттенками мысли, отражающими самые разнообразные явления войны и процесса вооруженной борьбы, их внутреннюю связь и взаимозависимость. Пока существует проблема войны, они всегда могут служить «безусловным приобретением всякого мыслящего человека» (Л е н и н, т. XXX, стр. 333).

Клаузевиц применял в своем исследовании метод диалектического идеализма, вследствие чего его труд необходимо сначала «поставить на ноги», восстанавливая материальную основу в процессах, по Клаузевицу «развивающихся из собственного понятия». Но

ход рассуждений Клаузевица, их внутренняя логика редко могут быть опровергнуты, и его взгляды могут быть использованы для изучения самых разнообразных явлений войны.

Некоторые комментаторы Клаузевица изменили смысл основных положений его учения о войне, создав, ссылаясь на него, свою концепцию форм ведения войны и операций.

Клаузевиц указывает (стр. 27), что «исходной данной для войны является известная политическая цель», и потому «естественно, что мотивы, породившие войну, остаются первым и высшим соображением, с которым должно считаться руководство войны. Но из этого не следует, что политическая цель становится деспотическим законодателем; ей приходится считаться с природой средства, которым она пользуется, и соответственно самой (т. е. политической цели) часто подвергаться коренным изменениям; все же политическая цель является тем, что прежде всего надо принимать в соображение».

В соответствии с размерами наших политических требований (цели), а также требований противника будет находиться насилие (напряжение), которое нам придется применять к противнику, — пишет Клаузевиц в другом месте по поводу плана войны (стр. 536). Начиная войну будет действовать по принципу — применять на войне лишь те средства и задаваться лишь такой конечной военной целью, которые бу-

дуг достаточны для достижения политической цели. Исходя из наличия необходимых предпосылок для достижения военной цели, Клаузевиц различал две цели: сокрушение противника и ограниченную цель. Предпосылками для сокрушения противника являются: значительное превосходство физических или моральных сил или же большая предприимчивость и склонность к крупным дерзаниям. Если этих предпосылок нет, нужно поставить себе ограниченную цель, выжидая более благоприятного случая, ведя оборонительную войну (в военно-стратегическом смысле).

Клаузевиц различал исторические типы войн, в зависимости от эпохи, с различной степенью их напряжения, в зависимости, главным образом, от характера армии и степени «участия народа». Он различал также две формы ведения войны (в стратегии) — в зависимости от соотношения сил — с различными целями.

Ясно, что формы войны (стратегии) на сокрушение и с ограниченной целью связаны не с эпохой, а с соотношением сил. Мало того, Клаузевиц допускал, что «в тех случаях, когда сокрушение противника может явиться задачей войны, налицо все же может иметься непосредственно положительная цель» (стр. 566). Это значит, что при ограниченной цели можно вести стратегическое наступление, ставящее себе, однако, лишь умеренную задачу завоевания части неприятельской территории и не направленное на центр